

Старинное слово о живомъ словѣ.

„О великій, могучій, правдивый и свободный русский языкъ!“ постоянно звучитъ съ кафедры, неоднократно пишется въ статьяхъ, въ подкрѣпленіе разсужденій о значеніи, силѣ, красотѣ родного языка. Эти слова Тургенева о родномъ языкѣ, съ такою силою и страстностью вырвавшіяся изъ глубины души его въ минуту раздумья, только потому такъ часто повторяются, что наиболѣе общеизвѣстны; но они не единственны въ своемъ родѣ на страницахъ русской литературы. Во многихъ и многихъ твореніяхъ великановъ русской словесности, какъ перлы жемчуга, разсыпаны мысли о человѣческой рѣчи, о родномъ языкѣ, о живомъ словѣ. Всѣ эти мысли, собранныя во-едино, могли бы составить объемистую, въ высшей степени интересную, книгу и открыть новый источникъ знанія и вдохновенія.

Назовемъ хотя-бы нѣкоторыя изъ нихъ: „И всякій народъ, носящій въ себѣ залогъ силъ, полный творящихъ способностей души, своей яркой особености и другихъ даровъ Бога, своеобразно отличился каждый своимъ словомъ, которымъ, выражая какой ни есть предметъ, отражаетъ въ выраженіи его часть собственнаго характера“, говоритъ Гоголь. „Искусство народа—его живая, личная душа, его мысль, его языкъ въ высшемъ значеніи слова; достигнувъ своего полнаго выраженія, оно становится достояніемъ всего человѣчества, даже больше, чѣмъ наука,

именно потому, что она—звучащая, человѣческая, мыслящая душа и душа не умирающая, ибо можетъ пережить физическое существованіе своего тѣла, своего народа“, указываетъ Тургеневъ. „Родное слово, рѣчь народа! языкъ средь жизненнаго хода, стоишь ковчегомъ ты святымъ и служишь сводомъ сопряженья, завѣтомъ вѣчнаго сближенья!“ восклицаетъ Мицкевичъ. „Нѣтъ слова, которое бы такъ замашисто, бойко, такъ вырвалось бы изъ-подъ самаго сердца, такъ бы кипѣло и животрепетало, какъ мѣтко сказанное русское слово“ (Гоголь). „Мы находимъ въ языкѣ, созданномъ Пушкинымъ, всѣ условія живучести: русское творчество и русская воспримчивость стройно слились въ этомъ великолѣпномъ языкѣ“ (Тургеневъ). Пушкинъ вѣрилъ, что силою могучаго русскаго языка онъ „Памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный“; и что ему назначено свыше: „Глаголомъ жги сердца людей“. Ал. Толстой называетъ дары, приносимые свѣтлыми Духами на землю: „Жатвы всѣ благословить, принести живое слово“... „Есть сила благодатная въ созвучьи словъ живыхъ“, восторгается Лермонтовъ.

Внимательно слѣдя за подобными, болѣе или менѣе однородными, мыслями творцовъ русскаго литературнаго языка, читающій проникается ихъ взглядами на обликъ ихъ собственнаго творчества и невольно начинаетъ раздѣлять ихъ высокія воззрѣнія на человѣческую рѣчь вообще и на родной языкъ, въ частности. Однако, при чтеніи такихъ откровеній въ умѣ читающаго пробуждается размышленіе: выработаны ли писателями эти идеи самостоятельно—силою личнаго таланта, творческимъ дарованіемъ? или же они, являясь мельчайшими единицами великой семьи своего народа, лишь отражаютъ въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, его мысли, его идеи о собственномъ языкѣ; и, какъ истые сыны своей родины, они несутъ въ своихъ произведеніяхъ залогъ историческихъ переживаній, печать вѣковой мудрости всего русскаго народа?

Языкъ народа, это — многовѣковой, „нерукотворный памятникъ“ исторической жизни его. Онъ подобенъ безбрежному морю съ его отливами и приливами, съ его яркими красками при свѣтѣ просвѣщенія, и его непроглядною тьмою среди мрака невѣжества. Произведенія народнаго творчества, подобно волнамъ, передаютъ колебаніе этого безграничнаго океана: нѣкоторыя изъ нихъ при столкновеніи съ новыми вѣяніями разлетаются въ дребезги,

другія, напротивъ того, удорно противостоятъ натиску чуждыхъ идей; одни запечатлѣваютъ въ себѣ цѣликомъ свѣжія впечатлѣнія, другія окутываютъ постороннія вліянія такою густою дымкою своеобразности, что нѣтъ возможности найти ихъ истинный слѣдъ...

Раскинувшаяся на огромныя пространства, покрытая непроходимыми болотами и дремучими лѣсами, древняя Русь—какъ показываетъ исторія—медленно перерабатывала въ себѣ начала государственности и подчинялась вліянію новой религіи. Однако же, христіанство, какъ и государственное строительство, хотя съ трудомъ, но все же неуклонно растекались по лицу земли древне-русской, проникали въ глубь народной жизни и налагали на нее свой отпечатокъ. Они послужили къ смягченію нравовъ, къ поднятію міровоззрѣнія народнаго, создали новые идеалы, новыя условія быта и, безъ сомнѣнія, отразились и на внѣшнемъ проявленіи внутренняго міросозерцанія народа — на его живомъ словѣ, устной рѣчи. Ближайшія свидѣтельница жизни народа, русскія пословицы, запечатлѣваютъ въ себѣ эти великія переживанія и несутъ память о нихъ въ послѣдующія поколѣнія. Такъ, нѣкоторыя изъ пословицъ складно и образно выражаютъ его мысли о рѣчи человѣческой, о родномъ языкѣ и чутко передаютъ его наблюденія за этой способностью въ теченіе столѣтій: въ нихъ чувствуется и высокое воззрѣніе народа русскаго на этотъ даръ Божій, и строгое къ нему отношеніе—порой одобряющее, порой порицающее, но всегда глубоко психологическое; иногда въ нихъ скрыты такія глубокія, свѣжія мысли о живомъ словѣ, которыя, пожалуй, не придутъ и въ голову иному широко-образованному человѣку...

Въ тайникахъ народной души вѣками укрѣплялось сознаніе о значеніи и силѣ способности человѣка къ рѣчи, какъ для общественной жизни, такъ и для отдѣльной личности, и подъ вліяніемъ развитія гражданственности уста народныя завѣщаютъ потомству: „Языкъ царствами ворочаетъ“¹⁾; „Языкъ—стягъ, дружину водить“; въ назиданіе народная мудрость добавляетъ: „Языкъ малъ, великимъ человѣкомъ ворочаетъ“, „Малъ языкъ, да всѣмъ тѣломъ владѣетъ“. Невольно нападаетъ раздумье — выработано ли народнымъ сознаніемъ послѣднее воззрѣніе самостоятельно, или же оно сложилось подъ воздѣйствіемъ ду-

¹⁾ Пословицы заимствованы изъ книги: „Пословицы русскаго народа“, В. Даль.

ховнаго просвѣщенія? При сопоставленіи упомянутыхъ пословицъ съ текстомъ Св. Писанія—„Языкъ небольшой членъ, но много дѣлаетъ“ (Посл. Ап. Іак. 3, 5)—это колебаніе еще болѣе усиливается, такъ какъ оба теченія не только по мысли, но и по формѣ, чрезвычайно близко подходятъ другъ къ другу! Однако, можно съ увѣренностью сказать, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изреченія о словѣ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, какъ обладающія глубокимъ психологическимъ смысломъ, нашли откликъ въ психикѣ русскаго народа, пришли ему по душѣ и вошли во всеобщее употребленіе, принявъ оборотъ рѣчи народныхъ пословицъ: „Покорное слово гнѣвъ укрощаетъ“, „Ласковое слово и кость ломитъ“, „Отъ избытка уста глаголятъ“, „Лучше божбы: ей, ей; ни, ни!“ Народъ, принявшій христіанство, силою проповѣдей и поученій своихъ просвѣтителей, присутствовавшей въ храмахъ на богослуженіяхъ, долженъ былъ оцѣнить все великое значеніе устной рѣчи, какъ средство познанія истиннаго Бога и какъ способа общенія съ нимъ, и потому завѣты старины передаютъ въ послѣдующія поколѣнія: „Языкъ съ Богомъ бесѣдуетъ“, „Не стать говорить, такъ и Богъ не услышитъ“, „Изъ твоихъ устъ, да Богу въ уши“.

Являясь народу высокимъ даромъ Божиимъ, живое слово, по его убѣжденію, обладаетъ большимъ запасомъ нравственной силы и воздѣйствуетъ на окружающихъ: „Гласъ народа—гласъ Божій“, „Родительское слово мимо не идетъ“, „Честное слово и буйную голову смиряетъ“, „Слово не стрѣла, а сердце сквозитъ“. Въ нѣдрахъ жизни народной столѣтіями складывалось возрѣніе о необходимости внимательнаго отношенія къ этому нравственно-сильному слову—что возвышаетъ и самую рѣчь и благотворно вліяетъ на усерднаго слушателя съ крѣпкою думою. „Красную рѣчь красно и слушать“, „Поменьше говори, побольше услышишь“, „Красна рѣчь слушаньемъ“, „У него на эту рѣчь ухо заложено“, „Не ухо слышитъ, а душа“.

Особенное вниманіе читающаго привлекаетъ къ себѣ послѣдняя пословица. Ея содержаніе можно передать слѣдующимъ образомъ: бываютъ минуты, когда ухо, слушая чужую рѣчь, какъ бы уступаетъ свои права внутренней жизни человѣка для болѣе глубокаго пониманія и усвоенія слышаннаго; другими словами, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ухо—физическое чувство для воспріятія слуховыхъ ощущеній—внимаетъ не внѣшней звуковой рѣчи, то-есть

звучу голоса, словамъ и т. д., а стремится при содѣйствіи психики человѣка проникнуть въ тайники слушаемой мысли. Какимъ образомъ эта пословица—Богъ вѣсть, когда и кѣмъ сложенная—предвосхитила мысли, которыя мы встрѣчаемъ въ книгахъ современныхъ ученыхъ? Или... быть можетъ... этого совпаденія не существуетъ... однако, дѣйствительность убѣждаетъ въ противномъ: при сопоставленіи содержанія этой пословицы съ нѣкоторыми положеніями изъ книги нѣмецкаго психолога, сомнѣніе постепенно смѣняется увѣренностью, что совпаденіе дѣйствительно. Нѣмецкій ученый Э. Мейманъ въ своей прекрасной книгѣ „Экономія и техника памяти ¹⁾“, говоря о функціяхъ памяти, указываетъ разнаго рода способы закрѣпленія въ памяти слышаннаго—начиная отъ простаго наблюденія ухомъ за произносимой рѣчью и кончая запечатлѣніемъ „при помощи мыслительнаго процесса“. Разбирая послѣдній случай, онъ замѣчаетъ: „При этого рода запечатлѣніи вниманіе направлено, слѣдовательно, на *логическую связь мыслей*, по не на *средства и форму*, въ которыхъ она проявляется.... Единственно, къ чему мы стремимся—это лишь запечатлѣть и впоследствии воспроизвести *связь мыслей и представленій*; слѣдовательно, мы относимся безразлично къ той *формѣ*, въ которой выражена въ подлинникѣ эта связь мыслей“ ²⁾...

Итакъ, когда мы стремимся логичнѣе, глубже проникнуть въ слышанное, у насъ „не ухо слышитъ“,—такъ какъ въ этомъ случаѣ мы упускаемъ изъ вниманія слуховую рѣчь,—а „душа“, которая „при помощи мыслительнаго процесса“ овладѣваетъ всѣмъ глубокимъ содержаніемъ познаваемого.

Невольно въ умѣ поднимаются вопросы: откуда взялся у мало-образованнаго, вѣрнѣе, невѣжественнаго народа этотъ тонкій анализъ психическихъ процессовъ человѣка? навѣяно ли это многовѣковой жизнью народа? свѣтлымъ ли здравымъ умомъ его? тонкою ли наблюдательностью?.. На эти вопросы, полныя колебанія и сомнѣнія, слышится величавый отвѣтъ историческаго голоса: „Каковы свойства,

¹⁾ Эрнстъ Мейманъ. Экономія и техника памяти. Экспериментальныя изслѣдованія о запечатлѣніи и запоминаніи. Переводъ Н. Самсонова. Москва. 1913 г.

²⁾ То-есть къ значенію словъ, къ ихъ послѣдовательности, къ своеобразному выбору словъ для передачи мыслей, то-есть къ слуховой формѣ рѣчи.

таковы и рѣчи“. Но какъ постигнуть свойства народа, когда тотъ же голосъ вѣщаетъ: „Языкъ видимъ, рѣчи слышимъ, а сердца не видимъ и не слышимъ“. И такъ, поистинѣ, „Чужая душа—потемки!“ Однако, какъ ни глубока тьма чужой души, многовѣковая мудрость народная, наблюдая психику человѣка, выносить строгій приговоръ тому, у кого нравственный обликъ не соотвѣтствуетъ словамъ, выходящимъ изъ этихъ потемокъ на свѣтъ Божій: „Говорить прямо, а дѣлаетъ криво“, „Рѣчи королевскія, да дѣла нищенскія“.

Какъ слѣдствіе этого наблюденія, достойная рѣчь, основанная на нравственныхъ качествахъ, обращается въ глазахъ народа въ прочный устой, въ твердыню несокрушимую: „Слово сказалъ, такъ на него хоть теремъ клади“, „Слово законъ; держись за него, какъ за колъ“, „Честь чести и на слово вѣрять“. Какимъ образомъ такое высокое возрѣніе на непоколебимое „Слово—олово“, сложившееся путемъ долгаго наблюденія, могло совмѣщаться въ сознаниіи народа съ суевѣрнымъ преклоненіемъ передъ силою „заговоровъ“ и „наговоровъ“?

Уже словопроизводство этихъ понятій указываетъ, что это былъ говоръ, живая рѣчь, эмоціональное же значеніе этихъ словъ окутало ихъ густою дымкою таинственности¹⁾. Самые тексты заговоровъ и наговоровъ, часто оживляемые дыханіемъ поэзіи, являютъ собою видъ заклинаній силою слова человѣческаго: „А будь мое слово сильнѣе воды, выше горы, тяжелѣе золота“... „Слово мое крѣпко, крѣпче сна и силы богатырской“... „Заговариваю я зубы крѣпко-на-крѣпко“... „Слово мое не преидеть ни въ вѣкъ, ни во вѣкъ“...²⁾ Очевидно, кудесники, знахари слагали свои заговоры и наговоры, беря въ основу вѣру народа въ силу „крѣпкаго“ слова. Было ли это простое мороченье людей, или же они и сами вѣрили въ эту сверхъестественную силу?!...

Между тѣмъ, прибѣгая жъ заговорамъ и наговорамъ какъ къ средствамъ для избавленія отъ различныхъ болѣстей, всевозможныхъ напастей, люди сѣдой старины сла-

¹⁾ Подъ эмоціональнымъ значеніемъ слова подразумѣвается то настроеніе, то чувствованіе, которое мы испытываемъ, слыша какое-нибудь слово. Напр., при словѣ „весна“ у насъ является радостное чувство, при словѣ „осень“—тоскливое настроеніе и т. д.

²⁾ Сказанія русскаго народа, собранныя И. П. Сахаровымъ. С.-Петербургъ. 1885 г.

гаютъ пословицы, по смыслу какъ-бы противорѣчивыя этому источнику спасенія: „Отъ слова не станется“. „Словомъ челоуѣка не убьешь“. Не противорѣчія къ бытовому укладу жизни слѣдуетъ искать въ сихъ реченіяхъ, а скорѣе подтвержденія его: можно думать, что этими памятниками словесности русскій челоуѣкъ чурается отъ силы злого слова и увѣщаетъ дѣтей своихъ не бояться его, такъ какъ „Словомъ и комара не убьешь“; но памятуя въ то же время о великомъ значеніи живого слова, онъ при совокупляетъ: „Слово не обухъ, а отъ него люди гибнутъ“...

Общезвѣстно, всегда и вездѣ повседневная жизнь, обыденная обстановка, окружающая челоуѣка, захватываетъ его сильнѣе, глубже, чѣмъ психическія наблюденія и отвлеченные вопросы. Это вліяніе сказывается и на изреченіяхъ народныхъ о рѣчи челоуѣческой: только незначительная часть ихъ касается мыслей высшаго порядка; большинство же изъ нихъ затрагиваетъ вопросъ съ точки зрѣнія общественно-нравственнаго уклада жизни и, при томъ въ такомъ количествѣ, что нѣтъ возможности говорить о всѣхъ подробно.

Забота о хлѣбѣ насущномъ, постоянно тревожащая обывателя, даетъ ему поводъ высказать свои мысли о языкѣ, проведя равнодѣйствующую между этими двумя видами домашняго обихода: „Блюди хлѣбъ на обѣдъ, а слово на отвѣтъ“. „Языкъ голову кормитъ“. „Языкъ хлѣбомъ кормитъ, и дѣло портитъ“. Народная молва не обошла молчаніемъ и то значеніе живого слова, которое оно имѣетъ при взаимоотношеніи людей: „На сердитое слово не осержайся, а на ласковое не надѣйся“, „Кто говоритъ, что хочетъ, самъ услышитъ, что не хочетъ“. „Прямикое слово, что рогатина“. „Отъ языка не уйдешь“. Привычка русскаго челоуѣка къ бранной рѣчи привлекала къ себѣ вниманіе старинныхъ людей и наводила ихъ на мысль о поученіяхъ, слышанныхъ ими ранѣе: „Не бранись, что исходитъ изъ челоуѣка, то его поганить“. „Не сквернить въ уста, сквернить изъ устъ“. „Не бранись: нечисто во рту будетъ“. Пустомельство, болтливость вызываетъ неудовольствіе здравомыслящихъ людей, и они пытаются усовѣщевать неугомонныхъ болтуновъ: „Въ многословіи не безъ пустословія“. „Говори съ другими поменьше, а съ собою побольше!“ „Пустая мельница и безъ вѣтра мелеть“. Краснбайство—красивая форма безъ внутренняго содержанія—заслуживаетъ неменьшаго осужденія: „Красно говорить, а послу-

шать нечего". „И красно и пестро, да пустоцвѣтомъ". „Складно баить, да дѣла не знаетъ"...

Уста народныя. порицающія пустословіе, краснобайство, всегда высказывали желаніе слышать отъ оратора и складную и, въ то же время, дѣльную рѣчь. Это желаніе передавалось изъ поколѣнія въ поколѣніе, дошло и до нашего времени и звучитъ въ формѣ пословицъ: „Хорошую рѣчь хорошо и слушать". „Что молвилъ, то рублемъ подарилъ". „Не пройми копьемъ, пройми языкомъ". Народное остроуміе не щадитъ плохого оратора: „У него слово слову костыль подаетъ". „Кланяться гораздъ, а говорить не умѣетъ". „За тобой и на перемѣнныхъ не поспѣешь".

Но русскій народъ останавливалъ свое вниманіе не только на ораторской рѣчи, но и чутко прислушивался къ своему родному языку и ловилъ ухомъ тѣ слова, которыя особенно приходились ему по душѣ, такъ какъ соответствовали его настроенію, его психикѣ: „Авось — великое слово". „Есть" слово, какъ медь, сладко; „нѣтъ" слово, какъ полынь, горько". „Русское¹⁾ слово" „виновать". Соответствуя психикѣ народа, являясь отзвуками исторической жизни его, живое словесами сохраняло слѣды нравственныхъ идеаловъ народа, если оно слагалось въ тѣ времена, когда онъ разрывалъ оковы повседневной, будничной жизни, и душа его переносилась въ міръ возвышенныхъ мыслей: „Велико слово—спасибо". „Право—великое слово". Ненавидя кривду, стремясь всей душой къ правдѣ, родная старина съ высокимъ подъемомъ увѣщаетъ послѣдующія поколѣнія: „За правое дѣло говори смѣло". „На правду словъ мало: „либо да, либо нѣтъ". „На правду нѣтъ словъ". Но въ минуты вдохновенія тотъ же неизмѣнный глаголъ вѣковъ облакаетъ въ русскія слова высокія мысли и завѣщаетъ потомству: „На великое дѣло—великое слово!".

Герои народнаго эпоса, былинныя богатыри²⁾—вершители великаго дѣла „освобожденія земли русской отъ враговъ внѣшнихъ, внутреннихъ и духовныхъ" были, въ то же время, и носителями великаго слова. Видя въ нихъ свои идеалы, и потому надѣляя ихъ многоразличными качествами и свойствами, народное воображеніе влагаетъ

¹⁾ Правописаніе по книгѣ „Пословицы русскаго народа".

²⁾ Текстъ и ударенія заимствованы изъ книги В. П. Авенариуса: „Книга былинъ". Сводъ избранныхъ образцовъ русской народной эпической поэзіи. С. Петербургъ. 1885 г.

въ уста нѣкоторыхъ изъ нихъ чудодѣйственный зычный голосъ, при звукѣ котораго все трепещетъ и преклоняется.

Любимецъ народа русскаго, матерой богатырь Илья Муромецъ обладалъ и мощью превеликою и чудесной силой голоса могучаго: „Отъ того-ли да отъ крику богатырскаго бѣлокаменны палаты зашатались, изъ оконницъ стеклышки посыпались, на столахъ напитки расплескались, за столомъ князья да бояре припадали“... А по слову Ильи Муромца чудеса свершались дивныя: „Тугой лукъ разрывчатый натягивалъ, каленую стрѣлочку накладывалъ, самъ стрѣлъ да приговаривалъ: „Ты летп-ка, стрѣлка, къ кровлямъ златоверхнимъ, поснимай-ка золочены маковки!“ Пали на земь золочены маковки“.

Про великаго богатыря, про Дуная свѣтъ Ивановича русскія былины сказываютъ: „Тихій-то Дунай и говорить гораздъ“, а Владиміръ стольно-кіевскій, зная этотъ даръ богатыря, послалъ его въ Литву „посвататься за него за князя за Владиміра“.

Повелительное слово молода Добрынюшки Никитича наказало землѣ матушкѣ порастрескаться и поглотить всю кровь змѣиную: „Бралъ опять Добрыня плѣточку шелковую, билъ той плѣточкой сыру землю, самъ землѣ да приговаривалъ: „Разступись-ка, мать-сыра земля, на четыре разступись на четверти, всю пожри-ка кровь змѣиную“. Разступилась мать-сыра земля на четыре да на четверти, всю пожрала кровь змѣиную“.

По народному сказанію, святорусскіе богатыри, сами обладающіе зычнымъ голосомъ, повстрѣчали и у супротивниковъ своихъ страшный голосъ съ силой лютою, отъ которой гибло все вокругъ: „Какъ засвищетъ онъ (Соловей-разбойникъ) по-соловьиному, зашипитъ, разбойникъ, по-змѣиному, закричитъ, собака, по-звѣриному. Всѣ-то травушки-муравушки уплетаются, всѣ лазуревы цвѣточки отсыпаются, темны лѣсушки къ землѣ всѣ преклоняются; а что есть людей-то всѣ мертвы лежать“. „Заревѣлъ самъ (Сокольникъ), будто лютый звѣрь: отъ того отъ реву молодецкаго всколыбалася сыра земля, выливалася изъ рѣкъ вода“.

Воображеніе народное, создавая для испытанія своихъ героевъ всевозможныя препятствія и ужасы, считало однимъ изъ тяжелѣйшихъ подвиговъ—устоять въ первыя минуты единоборства противъ всеокрушающей силы голоса своего противника.

И потому, побѣдоносные поединки, въ которыхъ неустрашимымъ защитникамъ отчизны удавалось преодолѣть и посвистъ Соловья - разбойника, и ревъ Сокольника, пробуждали въ народѣ чувство гордости за своихъ любимыхъ богатырей и наполняли радостью его сердце, такъ какъ эти побѣды были изъ труднѣйшихъ... „Коли самъ я свистомъ не сразилъ его (Ильи Муромца)“ откровенно сознаетъ Соловей-разбойникъ свое безсиліе.

Тяжело, нестерпимо тяжело было народной душѣ расставаться со своими возлюбленными героями, такъ какъ они были плоть отъ плоти и кость отъ кости его; но неумолимая исторія требовала ихъ исчезновенія, и стоустая молва сложила былинку: „Какъ перевелись богатыри на святой Руси“. Вѣками привыкнувъ выражать радость и горе въ живомъ словѣ, русскій народъ въ заключительномъ произведеніи своего эпоса знаменательно связываетъ гибель борцовъ за землю русскую со значеніемъ живого слова въ жизни человѣка. Алеша Поповичъ забылъ страхъ Божій, забылъ завѣты старины — „Бойся Всевышняго, не говори лишняго“—и вызвалъ на бой силу небесную: „Подавай намъ силу хоть небесную; мы и съ тою силой, братцы, справимся!“ И слово его заносчивое погубило непобѣдимыхъ охранителей святой Руси. Но они не умерли! о нѣтъ! Этого не вынесла душа народная! Но въ наказаніе за неразумное слово Алеши Поповича, послѣ страшной битвы съ невидимой силою, они всѣ „окаменѣли“ близъ высокой горы.... и чувство народное смиряется передъ справедливой карой Божіей...

Познакомившись черезъ своихъ грамотеевъ съ новымъ видомъ живого слова—чтеніемъ вслухъ книжной рѣчи, русскій народъ перерабатываетъ въ своемъ сознаніи это новое явленіе жизни и, самъ не будучи грамотенъ, жаждетъ слышать отъ чтеца правильное, толковое чтеніе: „По выучкѣ мастера знать“. „Кто по толкамъ, а кто по складамъ“. „Не на пользу читать, коль только верхки хватать“. Природная склонность народа къ шуткѣ заставляеть его подтрунить надъ плохимъ чтеніемъ, и неумѣлый чтець подвергается насмѣшкѣ: „Гдѣ чихнуть пришлось—запятая; гдѣ икнулось—двоеточіе; а гдѣ табаку понюхать—точка“; и ему указывается въ наказаніе: „Не всякій, кто читаетъ, въ чтеніи силу знаетъ“. Признавая силу въ чтеніи, почерпая изъ письменной рѣчи много новыхъ мыслей и знаній, старинные люди приглядываются и прислушиваются одно-

временно къ книжному и устному слову и сопоставляютъ ихъ между собою: „Говорить, какъ книга“. „Живая грамота“. И свои психологическія наблюденія надъ разнообразною человѣческой рѣчью они оставляютъ исторіи въ складной и образной формѣ: „Слово—пухъ, а буква—пудъ“. „Живое слово дороже мертвой буквы“.

И такъ, переживая въ своей долгой жизни многоразличныя политическія событія, великія духовно-религіозныя исканія, выработывая и общественный строй, и нравственные устои и семейно-бытовой укладъ, наблюдая въ этихъ переживаніяхъ и исканіяхъ рѣчь человѣческую, какъ силу могучую, чувствуя живое слово близкимъ и дорогимъ своей душѣ, русскій народъ шлетъ изъ сумрака вѣковъ современнымъ писателямъ свой историческій завѣтъ: „Старинныя пословицы — „Малъ языкъ — горами качаетъ“. „Живымъ словомъ побѣдить“ — не мимо молвятся!“

Н. Сентюрна.

